

Рюноскэ Акутагава. В стране водяных

Это история, которую рассказывает всем пациент номер двадцать третий одной психиатрической больницы. Ему, вероятно, уже за тридцать, но на первый взгляд он кажется совсем молодым. То, что ему пришлось испытать... впрочем, совершенно неважно, что ему пришлось испытать. Вот он неподвижно сидит, обхватив колени, передо мной и доктором С., директором больницы, и утомительно длинно рассказывает свою историю, время от времени обращая взгляд на окно, где за решеткой одинокий дуб протянул к хмурым снеговым тучам, голые, без единого листа, ветви. Иногда он даже жестикулирует и делает всевозможные движения телом. Например, произнося слова "я был поражен", он резким движением откидывает назад голову. По-моему, я записал его рассказ довольно точно. Если моя запись не удовлетворит вас, поезжайте в деревню Н., недалеко от Токио, и посетите психиатрическую больницу доктора С. Моложавый двадцать третий номер сначала, вероятно, вам вежливо поклонится и укажет на жесткий стул. Затем с унылой улыбкой тихим голосом повторит этот рассказ. А когда он закончит... Я хорошо помню, какое у него бывает при этом лицо. Закончив рассказ он поднимется на ноги и закричит, потрясая сжатыми кулаками:

- Вон отсюда! Мерзавец! Грязная тварь! Тупая, завистливая, бесстыжая, наглая, самодовольная, жестокая, гнусная тварь! Прочь! Мерзавец!

1

Это случилось три года назад. Как и многие другие, я взвалил на спину рюкзак, добрался до горячих источников Камикоти и начал оттуда восхождение на Хотакаяма. Известно, что путь на Хотакаяма один - вверх по течению Адзусагава. Мне уже приходилось раньше подниматься на Хотакаяма и даже на Яригатакэ, поэтому проводник мне был не нужен, и я отправился в путь один по долине Адзусагава, утопавшей в утреннем тумане. Да... утопавшей в утреннем тумане. Причем этот туман и не думал рассеиваться. Наоборот, он становился все плотнее и плотнее. После часа ходьбы я начал подумывать о том, чтобы отложить восхождение и вернуться обратно в Камикоти. Но если бы я решил вернуться, мне все равно пришлось бы ждать, пока рассеется туман, а он, как назло, с каждой минутой становился плотнее. "Эх, подниматься так подниматься", - подумал я и полез напролом через заросли бамбука, стараясь, впрочем, не слишком

удаляться от берега. Единственное, что я видел перед собой, был плотный туман. Правда, время от времени из тумана выступал толстый ствол бука или зеленая ветка пихты или внезапно перед самым лицом возникали морды лошадей и коров, которые здесь паслись, но все это, едва появившись, вновь мгновенно исчезало в густом тумане. Между тем ноги мои начали уставать, а в желудке появилось ощущение пустоты. К тому же мой альпинистский костюм и плед, насквозь пропитанные туманом, сделались необыкновенно тяжелыми. В конце концов я сдался и, угадывая направление по плеску воды на камнях, стал спускаться к берегу Адзусагава. Я уселся на камень возле самой воды и прежде всего занялся приготовлением пищи. Открыл банку солонины, разжег костер из сухих веток... На это у меня ушло, наверное, около десяти минут, и тут я заметил, что густой туман начал потихоньку таять. Дожевывая хлеб, я рассеянно взглянул на часы. Вот так штука! Было уже двадцать минут второго. Но больше всего меня поразило другое. Отражение какой-то страшной рожи мелькнуло на поверхности круглого стекла моих часов. Я испуганно обернулся. И... Вот когда я впервые в жизни увидел своими глазами настоящего живого каппу. Он стоял на скале позади меня, совершенно такой, как на старинных рисунках, обхватив одной рукой белый ствол березы, а другую приставив козырьком к глазам, и с любопытством глядел на меня.

От удивления я некоторое время не мог пошевелиться. Видимо, каппа тоже был поражен. Он так и застыл с поднятой рукой. Я вскочил и кинулся к нему. Он тоже побежал. Во всяком случае, так мне показалось. Он метнулся в сторону и тотчас же исчез, словно сквозь землю провалился. Все больше изумляясь, я оглядел бамбуковые заросли. И что же? Каппа оказался всего в двух-трех метрах от меня. Он стоял пригнувшись, готовый бежать, и смотрел на меня через плечо. В этом еще не было ничего странного. Что меня озадачило и сбilo с толку, так это цвет его кожи. Когда каппа смотрел на меня со скалы, он был весь серый. А теперь он с головы до ног сделался изумрудно-зеленым. "Ах ты дрянь этакая!" - заорал я и снова кинулся к нему. Разумеется, он побежал. Минут тридцать я мчался за ним, продираясь сквозь бамбук и прыгая через камни.

В быстроте ног и проворстве каппа не уступит никакой обезьяне. Я бежал за ним сломя голову, то и дело теряя его из виду, скользя, спотыкаясь и падая. Каппа добежал до огромного развесистого конского каштана, и тут, на мое счастье, дорогу ему преградил бык. Могучий толстоногий бык с налитыми кровью глазами. Увидев его, каппа жалобно взвизгнул,

вильнул в сторону и стремглав нырнул в заросли - туда, где бамбук был повыше. А я... Что ж, я медленно последовал за ним, потому что решил, что теперь ему от меня не уйти. Видимо, там была яма, о которой я и не подозревал. Едва мои пальцы коснулись наконец скользкой спины каппы, как я кувырком покотился куда-то в непроглядный мрак. Находясь на волосок от гибели, мы, люди, думаем подчас об удивительно нелепых вещах. Вот и в тот момент, когда у меня дух захватило от ужаса, я вдруг вспомнил, что неподалеку от горячих источников Камикоти есть мост, который называют "Мостом Капп" - "Каппабаси". Потом... Что было потом, я не помню. Перед глазами у меня блеснули молнии, и я потерял сознание.

2

Когда я наконец очнулся, меня большой толпой окружали каппы. Я лежал на спине. Возле меня стоял на коленях каппа в пенсне на толстом клюве и прижимал к моей груди стетоскоп. Заметив, что я открыл глаза, он жестом попросил меня лежать спокойно и, обернувшись к кому-то в толпе, произнес: "Quax, quax". Тотчас же откуда-то появились двое капп с носилками. Меня переложили на носилки, и мы, в сопровождении огромной толпы, медленно двинулись по какой-то улице. Улица эта ничем не отличалась от Гиндзы.

Вдоль буковых аллей тянулись ряды всевозможных магазинов с тентами над витринами, по мостовой неслись автомобили. Но вот мы свернули в узкий переулок, и меня внесли в здание. Как я потом узнал, это был дом того самого каппы в пенсне, доктора Чакка. Чакк уложил меня в чистую постель и дал мне выпить полный стакан какого-то прозрачного лекарства. Я лежал, отдавшись на милость Чакка. Да и что мне оставалось делать? Каждый сустав у меня болел так, что я не мог шелохнуться. Чакк ежедневно по нескольку раз приходил осматривать меня. Раз в два-три дня навещал меня и тот каппа, которого я увидел впервые в жизни - рыбака Багг. Каппы знают о нас, людях, намного больше, чем мы, люди, знаем о каппах. Вероятно, это потому, что люди попадают в руки капп гораздо чаще, чем каппы попадают в наши руки. Может быть, "попадать в руки" - не самое удачное выражение, но, как бы то ни было, люди не раз появлялись в стране капп и до меня. Причем многие так и оставались там до конца дней своих. Почему? - спросите вы. А вот почему. Живя в стране капп, мы можем есть, не работая, благодаря тому только, что мы люди, а не каппы. Такова привилегия людей в этой стране. Так, по словам Багга, в свое время к

каппам совершенно случайно попал молодой дорожный рабочий. Он женился на самке каппы и прожил с нею до самой смерти. Правда, она считалась первой красавицей в стране водяных и потому, говорят, весьма искусно наставляла рога дорожному рабочему.

Прошла неделя, и меня в соответствии с законами этой страны возвели в ранг "гражданина, пользующего особыми привилегиями". Я поселился по соседству с Чакком. Дом мой был невелик, но обставлен со вкусом. Надо сказать, что культура страны капп почти не отличается от культуры других стран, по крайней мере Японии. В углу гостиной, выходящей окнами на улицу, стоит маленькое пианино, на стенах висят гравюры в рамах. Только вот размеры всех окружающих предметов, начиная с самого домика и кончая мебелью, были рассчитаны на рост аборигенов, и я всегда испытывал некоторое неудобство. Каждый вечер я принимал в своей гостиной Чакка и Багга и упражнялся в языке этой страны. Впрочем, посещали меня не только они. Как гражданин, пользующийся особыми привилегиями, я интересовал всех и каждого. Так, в гостиную ко мне заглядывали и такие каппы, как директор стекольной фирмы Гэр, ежедневно вызывавший к себе доктора Чакка специально для того, чтобы тот измерял ему кровяное давление. Но ближе всех, в течении первых двух недель я сошелся с рыбаком Баггом.

Однажды душным вечером мы с Баггом сидели в моей гостиной за столом друг против друга. Вдруг ни с того ни с сего Багг замолчал, выпучил свои и без того огромные глаза и неподвижно уставился на меня. Мне, конечно, это показалось странным, и я спросил:

- Quaah, Bag, quo quel quan?

В переводе на японский это означает: "Послушай, Багг, что это с тобой?" Но Багг ничего не ответил. Вместо этого он вдруг вылез из-за стола, высунул длинный язык и раскорячился на полу, словно огромная лягушка. А вдруг он сейчас прыгнет на меня! Мне стало жутко, и я тихонько поднялся с кресла, намереваясь выскочить за дверь. К счастью, как раз в эту минуту в гостиную вошел доктор Чакк.

- Чем это ты здесь занимаешься, Багг? - спросил он, строго взирая на рыбака через пенсне.

Багг застыдился и, поглаживая голову ладонью, принялся извиняться:

- Прошу прощения, господин доктор. Я не мог удержаться. Уж очень потешно этот господин пугается... И вы тоже, господин, простите великодушно, - добавил он, обращаясь ко мне.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу вы можете почитать в
Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К.
Крупской
по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20
тел.: для справок: (3532) 77-92-66